

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ АБОИМОВА

А.А. Сирина

Анна Анатольевна Сирина | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этнология и литература, писатель, блогер, Н.И. Абоимов, мотивы творчества, темы творчества, бомнакские эвенки, охотники-оленьеводы, культурный контакт

Аннотация

Предметом статьи послужило творчество русского писателя и блогера, живущего на Дальнем Востоке, бывшего охотника-оленьевода Николая Иосифовича Абоимова. Феномен вхождения Абоимова в эвенкийскую культуру заслуживает внимания как пример культурного контакта без конфликта. В результате длительного опыта жизни с эвенками герою статьи удалось преодолеть культурные и ментальные границы, приобрести глубокие знания об уникальной культуре таежного народа и отразить их в своем творчестве. В настоящем исследовании использованы методы этнологии, полевой и музейной работы, а также литературной критики; биографический анализ сочетается с контент-анализом новых для этнографии источников — видеоблогов и художественных произведений. Автором статьи в литературном творчестве Н.И. Абоимова выделены мотивы: тайги, обучения/самообразования, игры/творчества, жизненного настроения/преодоления. Сам Н.И. Абоимов использует, по сути, феноменологический метод при описании действительности: он рассматривает и описывает конкретные жизненные явления в попытке понять их суть. В документально точных миниатюрных зарисовках таежных жизни и быта около 50 действующих лиц. В рассказах имеются сведения об охоте и оленьеводстве, предметах материальной культуры, верованиях, народной педагогике, о сотрудничестве с геологами. На основе комплексного исследования автор статьи делает вывод: рассказы и видеосюжеты Н.И. Абоимова являются ценными и достоверными этнографическими источниками о группе бомнакских эвенков. Кроме того, в них можно найти ответ на вопрос, как преодолеть культурные границы и при этом сохранить собственную идентичность.

Информация о финансовой поддержке

План НИР ИЭА РАН

Статья поступила 26.12.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 24.02.2025
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сирина А.А. Преодоление границ: жизнь и творчество Николая Абоимова // Этнографическое обозрение. 2025. № 5. С. 179–199. <https://doi.org/10.7868/S3034627425050102>

Sirina, A.A. 2025. Preodolenie granits: zhizn' i tvorchestvo Nikolaia Aboimova [Overcoming Boundaries: Life and Work of Nikolai Aboimov]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 179–199. <https://doi.org/10.7868/S3034627425050102>

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

В осмыслении мира и человека выделяются научный и художественный подходы. На Западе в XXI в. философия ведет активный диалог с литературоведением, и все более влиятельной отраслью современной эстетики становится философия литературы (*Тахо-Годи 2021: 22*). В России одной из особенностей культуры всегда была взаимосвязанность литературы и философии, но огромный материал литературных текстов мало осмыслен в философском ключе. Более того, для этого в российской традиции, не в последнюю очередь из-за перипетий XX в., еще “не выработаны оптимальные методы и инструментарий”, и российские исследователи “вынуждены оставлять теоретические вопросы без разрешения или разрешать их, ориентируясь на те или иные западные образцы” (Там же: 12, 27). В значительной мере сказанное относится и к взаимодействию литературы и этнологии/антропологии, хотя постмодернистские подходы особенно сблизили их, когда исследователи больше внимания стали уделять “писательской кухне” – стилю и форме текста, выражению авторской позиции. Литературная критика является органической частью западной антропологии в рамках направления “исследования культуры”, но в российской культурологии “приемы литературоведческого анализа не только не выступают в качестве ключевых, но и вообще мало используются” (*Соколовский 2003: 26*).

Тексты, которые могут быть отнесены к так наз. художественной этнографии, “определяет личный опыт писателя, вступившего в общение с инокультурой и пытающегося осознать плоды этого взаимодействия сквозь призму своего мировидения” (*Забияко 2012а: 12*). И.Е. Максимова пришла к выводу, что вопрос о верификации этнографических данных в подобных произведениях требует предварительного “тщательного анализа общего подхода автора к подаче этнографического материала и в сопоставлении с иными видами источников (архивными, полевыми и т.д.)” (*Максимова 2018: 116*).

Некоторые российские этнологи используют литературные произведения в качестве этнографических источников. Значительно реже образцы художественной литературы анализируются как тексты, в которых отражены проблемы, интересующие современную этнологию (*Козлов 2005: 158*), поскольку они выходят за привычные рамки дисциплины – обсуждаемые в них темы нередко смыкаются и пересекаются с теми, что исследует философия (вопросы жизни и смерти, ценности традиции и наследия, идентичность и мн. др.). Об этом, в частности, говорит и тот факт, что статью, анализирувавшую литературный текст в связи с проблемами этнической идентичности (*Абашин 2003*), сопровождала другая статья, “легитимизирующая” нестандартную публикацию за счет расширения границ проблемного поля классической этнологии (*Соколовский 2003*) и приближения ее к собственно антропологии как науке о человеке в широком смысле.

Можно назвать еще одну причину, оправдывающую использование художественного текста в сфере этнологических исследований: “художественное наитие” порой опережает “научное” предвидение (*Забияко 2012а: 14*). Иными словами, именно в литературных произведениях нередко рассматриваются темы, которые отражают актуальную мировую повестку, а иногда и предворяют ее. Сошлюсь на В.К. Арсеньева, этнографа и писателя, который в своих документально-художественных произведениях поднимал, например, вопросы субъект-субъектных отношений человека и животных – в собственно этнографии/антропологии они были рассмотрены значительно позже, или на Г. Федосеева,

геологоразведчика, который в литературной форме представил опыт своего взаимодействия с проводниками-эвенками – к этому опыту ученые обратились спустя много лет (Давыдов 2013).

Имеется обширная критика (Н.А. Непомнящих, В.В. Огрызко, Ю.А. Хазанкович, Т.В. Воронченко, Э.В. Иванова и мн. др.) художественных произведений, вышедших из-под пера писателей из числа народов Севера. Филологи видят ценность такой литературы в содержащейся в ней информации об уходящей традиционной культуре, в том числе о языке. Критики обращают внимание на разные аспекты этого творческого наследия. Так, Н.А. Непомнящих выделяет общие черты, характерные для произведений всех “северных” авторов, “независимо от их этнической принадлежности”: специфические мотивы (удивительно близкие и повторяемые); документальность и автобиографичность; жанровое сходство (в основном это рассказы и небольшие повести) и сходство сюжетов (происшествия/встречи, поединок со зверем, описание рутинных трудовых процессов, шаманство и др.) (Непомнящих 2014; 2022: 81 и др.). В то же время Ю.А. Хазанкович рассматривает эвенкийскую литературу как “многожанровое и многостилевое художественное явление”, “особый художественный феномен, качественно отличный по своему содержанию и развитию от других литератур народов Севера” (Хазанкович 2002).

Художественные и документально-публицистические произведения о народах Севера, вышедшие из-под пера авторов иного этнического происхождения, привлекли значительно меньше внимания критиков. Исследование таких текстов провела И.Е. Максимова на примере произведений, посвященных сымско-кетским эвенкам. По ее мнению, «именно “взгляд со стороны” может подмечать особенности культуры, представляющиеся самим носителям несущественными» (Максимова 2018: 108). Миссионеры, ссыльные народники, советские культуртрегеры и этнографы по-разному попадали на Север, имели разные мотивации к творчеству и особенности мировоззрения, что не могло не отразиться на отборе материала и на подходах к его презентации (Максимова 2018; Сирина, Давыдов 2020; др.). Таким образом, литературные тексты могут изучаться в том числе как манифестации позиции авторов по проблемам, интересующим этнологов.

Герой моей статьи в этом смысле уникален, и не совсем понятно, в каком контексте рассматривать его творчество: то ли как собственно “эвенкийскую” литературу, то ли как литературу об эвенках. Поясню свою мысль. Николай Абоимов перенял образ жизни эвенков, более 30 лет занимался охотой и оленеводством, был бригадиром в совхозе, женился на эвенкийке. Пишет он на родном русском языке, который стал родным и для многих писателей, представляющих “национальные” литературы (Непомнящих 2022). Многие мотивы и сюжеты его рассказов сходны с мотивами и сюжетами произведений авторов из числа народов Севера. Рассказы-миниатюры Абоимова являются полноценными этнографическими источниками, поскольку основаны на жизни с эвенками на протяжении длительного времени, а это больше, чем включенное наблюдение. Автор рисует картину повседневной жизни бомнакских эвенков, которая в других источниках не отражена. Кроме того, эти рассказы позволяют проследить процессы вхождения в эвенкийскую культуру и адаптации к ней русского человека; хорошо заметно, что эти процессы всегда обоюдны и зависят от особенностей контактирующих сторон и тех культур, которые они представляют.

Интернет-ресурсы, связанные с этнической тематикой, представляют новый и своеобразный вид источников, которые все чаще включаются в научный дискурс (Головнёв и др. 2021). Но, как и в случае с художественной литературой, при работе с блогами для исследователя важны и предварительное знакомство с изучаемой культурой, и сочетание контент-анализа с наблюдением за работой блогеров в полевых условиях, и их интервьюирование (см., напр.: Головнёв 2024).

Статья основана на опубликованных рассказах Николая Иосифовича Абоимова и его дневниковых записях, которые хранятся в Зейском краеведческом музее, а также на его видеопрограммах, размещенных на канале “Таежная обитель” в интернете. Эти материалы дополнены несколькими интервью с писателем и блогером, состоявшимися в г. Зея Амурской области в апреле 2024 г.

О рассказах и их авторе

Короткий рассказ Н.И. Абоимова “Вот такая любовь” отличается простым на первый взгляд сюжетом: в тайге, в лагере лесоустроителей автор увидел домашнего северного оленя, который не боялся людей. Оказалось, что больного чесоткой оленя выходила жена лесоустроителя. “Утром я собрался отчаливать, и таксатор с женой тоже, на резиновой лодке проверить в заливе сетку. Тронулись одновременно, — пишет автор. — Только я уплывал в гордом одиночестве, а за ними, спустившись в воду, плыл олень”¹. Внимательный к жизни, Абоимов подметил очень важное: добро и любовь, явленные в этом мире, вызывают ответную любовь и привязанность. Неслучайно читатели оставляют восторженные комментарии: “Какой спокойный хороший рассказ — без сюсюкания... И веришь что это было и было правильно... С уважением Ольга Андريس”; “До слёз, Николай. Я из Подмосковья. В тайге не был. Бывал в Благовещенске, Зее, Тыгде, Свободном. Поклон Вам низкий за Ваше творчество! Смотрел Ваши ролики. Здорово! С уважением, Сергей Мошков”².

Николай Иосифович Абоимов — бывший охотник-оленовод, каюр, а ныне пенсионер, живущий в небольшом таежном г. Зея Амурской области. Поселение, основанное в конце XIX в. на правом берегу р. Зеи как перевалочная база золотодобытчиков, прибывавших с грузами вверх по реке из Благовещенска, во второй половине XX в. превратилось в город энергетиков: в 1974 г. здесь была построена Зейская ГЭС. В Зее начинали свое литературное творчество Г.А. Коптяева, Г. Федосеев, здесь и сегодня живут талантливые люди — поэты, писатели, художники, в городской библиотеке периодически проводятся “Литературные гостиные”.

Николай Абоимов начал писать в зрелом возрасте. Первый его рассказ был напечатан в газете “Зейская правда” в далекие 1990-е годы. Абоимов вспоминает:

Первый рассказ я привез сюда про горностаю, где горностаю в избушке, и я боялся, около редакции [газеты] ходил, ходил, боялся занести, потом занес <...> Люди поддерживали все время, и стал писать <...> Потом охота, в стаде работал, надо было семью [содержать], надо было перестройки эти [пережить], соболя ничё не стоили (ПМА 1).

Журналистке местной газеты Лилии Лусте очень понравились рассказы Абоимова. Она подбадривала автора, даже включила несколько его рассказов в сборник зейских поэтов (!) “Первоцвет” (1992) — уж очень они были, по ее мнению,

поэтичными и лаконичными. После переезда из расположенного на севере Зейского района таежного поселка Бомнак в г. Зею Николай Абоимов вспомнил о своих литературных опытах и стал целенаправленно писать. Сам он говорит об этом так: “Я еще почему взялся [писать]. Мне охота было показать их [эвенков] по-настоящему. А не так что... Приехал, неделю поживет и думает, что их знает. С ними надо долго... я, прожив с ними 40 лет ихней жизнью, знаю их изнутри и снаружи. Что даже сами эвенки не замечают, я замечаю” (ПМА 1). В одной из миниатюр Николай Иосифович делится своими ощущениями от процесса литературного творчества, самовыражения: “...некоторые рассказы, которые я пишу, сначала мне снятся. Утром остаётся только записать их. А когда я через какое-то время их перечитываю, то порой возникает ощущение, что написал их не я, а кто-то другой”. Внимательному отношению к своим снам он научился у эвенков³.

Абоимов – автор четырех небольших книжечек рассказов: “Зарисовки на память” (2011), “Заставь себя жить” (2012), “Каюр” (2012) и “Таежный Бомнак” (2018). Все они изданы при поддержке Зейской городской библиотеки тиражом от 20 до 200 экземпляров. Автор дал мне их почитать на несколько дней, так как у него не осталось ни одного подарочного экземпляра. Я читала их вечерами в гостинице г. Зеи, куда приехала в командировку. Около 160 рассказов Абоимова выложены также на сайте “Проза.ру”, их прочитало более 30 тыс. человек – число, несопоставимое с бумажным тиражом его книжек. Откуда такая популярность и как случилось, что читатель нашел своего автора?

Казалось бы, простые рассказы о жизни оленеводов и охотников, в основном эвенков, производили удивительное впечатление. В них было столько правды, теплоты, ощущения гармонии с Природой, что совершенно непонятно, как все это умещалось в совсем коротких новеллах; некоторые всего на 4-5 предложений! Потом пришло понимание, что эти рассказы, как сияющая вершина айсберга, над огромной глыбой жизненного опыта, знаний, любви к людям, животным и таежным странствиям, переполняющим душу автора... (Подольский 2025: 6–7),

– написал в предисловии к книге “Каюр”, вышедшей по подписке в 2025 г. и объединившей все рассказы и стихи Н.И. Абоимова (Абоимов 2025), кандидат географических наук С.А. Подольский, чьими рисунками проиллюстрирована книга. А журналист Г. Филатов отметил, что “неповторимыми и запоминающимися их делает так необходимая в коротких рассказах детализация и абсолютное знание материала, с которым он работает” (Филатов 2017).

Но настоящую известность рассказам и их автору принес выход в интернет-пространство. Дело в том, что Абоимов еще и чрезвычайно популярный блогер. В 2020 г., когда Николаю Иосифовичу было уже за семьдесят, он основал и с тех пор ведет блог “Таежная обитель”, на котором в настоящее время представлено более 1000 видео. На *YouTube* у него было 200 тыс. подписчиков (видео выложены также на *Rutube* и *Дзен*). Сегодня не все любят и умеют читать, да и книги интересные не всегда достанешь, а интернет доступен большинству, и визуальная картинка делает свое дело. “Очень рад видеть Вас на сайте Проза.ру, потому что являюсь постоянным зрителем Ваших роликов в интернете! Премного благодарен за Ваше творчество! Без раздумий заношу Вас в список моих избранных авторов!” – написал в комментариях читатель и зритель Л. Калган⁴.

Именно с чтения и комментирования своих рассказов Абоимов начал вести личный блог⁵. Видеосюжеты оказались очень интересными и познавательными и привлекли внимание аудитории. Слушатель/зритель не только знакомится с содержанием рассказа, но и видит автора – бывалого, уже немолодого, но по-прежнему открытого миру человека, слышит его голос, доверяет ему, может оставить свой комментарий или задать вопрос, на который обязательно получит ответ. Зрителям нравится ритуал чаепития перед каждым выступлением – то на фоне красот зейской природы (с обязательными комарами и мошкой летом), то в скромной домашней обстановке (когда у Николая Иосифовича стали побаливать ноги). Перед объективом невозможно спрятать свои недостатки или скрыть волнение, но Абоимов ведет себя абсолютно естественно, а свои видеоролики не редактирует, пишет “на живую”, так как просто не умеет “резать” и “склеивать” снятый контент. И все равно, а может быть, и благодаря этому, получаются очень интересные, живые, содержательные передачи, находящие широкий отклик: люди комментируют видео, делятся своими историями. География его аудитории очень широка – это и Сибирь, и Дальний Восток, и Центральная Россия, и ближнее и дальнее зарубежье; его зрители – люди разного возраста, разных профессий и разной этнической принадлежности.

Я заканчивала работу над этой статьей, когда пришло сообщение от Николая Иосифовича: «Анюта, посмотри последнее видео “Поделись своей радостью с друзьями”». Оказалось, что Абоимов стал лауреатом XVI Всероссийского конкурса “СМИротворец” (2024) на лучшее освещение в средствах массовой информации вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений. Он был отмечен в номинации “Блоги” за публикации на канале “Дзен” видеороликов “Эвенкийская нарта для езды на оленях”, “Таежный урок. Эвенкийская костяная игла”, “Среди эвенков тоже есть кузнецы” и “Выступление в Общественной палате в защиту природы и животных Амурской области”⁶. Награда ценна еще и тем, что его блог “нашли” и выдвинули на конкурс сами организаторы.

Визитной карточкой, или заставкой, канала “Таежная обитель” стали стихи Николая Абоимова, которые он сам, за кадром, на фоне зейской природы проникновенно читает нараспев: Меня порой ломала жизнь. / Уйдя в таежную обитель, / Я сам себе скажу: держись. / Я сам себе самоучитель. / Нас проводила жизнь сквозь строй. / Вот и ко мне подкралась старость. / Но к жизни есть еще настрой, / И я сыграю вам на радость. / Пускай получится не так. / Пусть глухари оглухареют. / Я вам сыграю просто так. / Самоучусь, хоть и старею⁷.

В стихотворении-заставке выражены важные жизненные ценности и основные мотивы творчества автора: “таежная обитель” – удивительный мир дальневосточной тайги, где прошла большая часть жизни Н.И. Абоимова; обучение и самообразование; игра и творчество; преодоление себя. И все это так крепко и неразрывно связано, что отделить одно от другого даже в целях анализа чрезвычайно сложно, а то и невозможно.

Мотив тайги – основной мотив в творчестве Н.И. Абоимова

Николай Абоимов происходит из рода потомственных оренбургских казаков. Он вспоминает: “Тяга к природе, она видать у нас в ДНК у всех. Во мне она сработала сильно. Дед был охотником, казак, любил охотиться и на лис, и на зайцев. Дедушка на жеребце заганивал волков степных” (ПМА 1).

В семье было шестеро детей. Отец, участник Великой Отечественной войны, уже в зрелом возрасте получил образование и всю жизнь работал агрономом. Маленького Колю привлекла книжечка “Миклухо-Маклай у папуасов”, и он просил отца читать ее вслух. Когда сам научился читать, выбирал приключенческие книги и книги о природе: «Во втором классе я записался в библиотеку, все время брал книжки о животных. В 5 классе мне попали книги Фенимора Купера “Следопыт”, “Зверобой”, “Последний из могижан”, “Прерии”. Там сильные люди. Там интересно описана природа, замечательно, Великие озера, прерии, Онтарио...» (ПМА 1). Это уже потом, познакомившись с удивительной дальневосточной природой, с местами, сегодня включенными в территорию Токинского-Станового национального парка, он написал: “Я как-то однажды приехал сюда / И с первого взгляда влюбился в тебя / Теперь он мне снится, тот сказочный вид / И горы, где ключик с названием Накит” (ПМА 1).

Впервые Абоимов оказался на Дальнем Востоке России, когда проходил срочную службу на подводном флоте. Он подружился с эвенком Колей Сафроновым, призванным из поселка Бомнак Зейского района Амурской области. После возвращения домой Николай Иосифович, перебрав за год с десяток профессий, в декабре 1970 г. решил поехать к другу в Бомнак — “выйти в море” теперь уже дальневосточной тайги. Тайга приняла его в свои объятия, привлекла первозданной чистотой и ощущением свободы: “...мы постоянно любимся красотой природы и ее жизнью. Восходы и закаты радуют нас своим естественным многоцветьем, каждый ключик поет нам свою песню”⁸; «[н]очью мне еще снятся сны, что я снова в Ташкенте. Просыпаюсь, осознаю свое истинное положение и радуюсь: “Слава Богу, я в тайге”»⁹. Много лет Абоимов жил и работал бок о бок с эвенками, породнился с ними, познал уникальную культуру охотников-оленьеводов. Для него мотив тайги в первую очередь связан с эвенкийской тематикой, а образ тайги присутствует в каждом его рассказе.

Сегодня тайга оказалась вне пределов досягаемости пожилого человека, переехавшего в город и ограниченного в передвижениях (хотя, благодаря дружбе с Зейским заповедником, каждое лето он вылетает вместе с группой исследователей в Токинский-Становой национальный парк), но она живет в его памяти, душе и сердце. Поэтому Н.И. Абоимов в своем творчестве воссоздает ее для себя и для других, он делится знаниями, которыми когда-то делились с ним его учителя — эвенки, популяризирует и пропагандирует их культуру.

Канал Николая Абоимова стал настоящей “таежной обителью” и для его зрителей. Здесь все так или иначе связано с тайгой, а главная цель автора — показать другим людям дорогое его сердцу место таким, каким оно запечатлелось в его памяти. Здесь можно послушать рассказы и стихи, узнать что-то новое и многому научиться, встретиться с людьми, чьи судьбы пересекались с тайгой.

Мотив обучения

Большинство таежников — и эвенки, и русские — ведут на охоте дневники. Не стал исключением и Абоимов. На первых порах уроженцу степного Оренбуржья, чья юность прошла в Узбекистане, в тайге приходилось трудно:

Через два дня уже месяц, как я стал “охотником”. А результаты пока не очень утешительны. Одна “копалуха”, да несколько “кукш”. Да, “весело”. “Миф” об

охотниках оказался куда сложнее, чем я ранее предполагал. Прежде чем ехать охотиться, нужно научиться ездить верхом на оленях. Не сидеть на нем, а именно ездить. Научиться различать следы, и не путать след россомахи с волчьей тропой, научиться тысячам необходимых здесь в тайге мелочей, и самое главное — научиться выдержке и терпению (Абоимов 1971; запись от 07 февраля).

Хотя Николай Иосифович не получил формального высшего образования, он учился всю жизнь. Об этом говорят его дневники — в них выписки из газет, журналов, записи от бывалых людей, анализ ситуаций. В них чувствуется стремление автора к самовыражению, восторг перед тайгой, уважение к своим наставникам-эвенкам, огромное желание поделиться приобретенным за годы непростой жизни опытом. Неудивительно, что мотив обучения красной нитью проходит и через все его творчество.

В рассказе “Азы таежного ориентирования” Николай Абоимов поведал о том, как вводили его эвенки в географию и топографию таежной жизни, приучая не только смотреть, но и видеть, а увиденное понимать:

По вечерам Николай Егорович устраивал мне экзамены, спрашивал: “Сколько речек и ключиков мы сегодня проехали, и в какую сторону они бегут? С какой стороны светило солнце, когда мы ехали?”. Я затруднялся ответить, и тогда он говорил сам <...> “Ещё привыкай не только видеть, но и чувствовать своим телом. Ходишь по тайге, крутишься во все стороны, а телом чувствуй, где солнце. <...> Место табора и солнце ты должен научиться сопоставлять. Для этого надо научиться чувствовать время, чтобы делать поправки на расстояние, которое прошёл, и солнце, которое успело сместиться. Это очень важно. Старайся об этом помнить, и придёт навык. С навыком придёт и опыт. Тогда всё будет получаться само собой”. Николай Егорович взял за правило на каждой стоянке заставлять меня рисовать карты-схемки местности. Помечать на них маршруты переездов, места установки ловушек и капканов. <...> Ночью он показывал на Полярную звезду и Большую Медведицу: “Это созвездие — наш эвенкийский ночной компас и наши ночные часы. Ручка этого ковша движется, как стрелка на часах. Тебе только надо запомнить, как меняется её положение, и ты будешь знать время”¹⁰.

Опыт таежных жителей — эвенков, чрезвычайно важен для всех, кто приходит в тайгу, — констатирует автор.

Постепенно Абоимов учился у эвенков понимать и распутывать следы:

<...> в стадо зашёл сокжой (дикий олень). Самого его пастухи не видели, а вывод сделали по увиденному следу. Моему удивлению не было предела: “Как вы их можете различить?”

Разницу мне объяснил Юра Трифонов: “Смотри внимательно. У домашнего оленя копыта широкие, и на землю он их ставит плотно, как лапти. Эта порода складывалась веками, проходила отбор. А сокжой ходит, как женщина на каблучках. Как ты не видишь разницу?”

После такого объяснения я старался замечать все мелочи. И думать. Постоянно замечать и думать. Со временем всё это стало давать результаты. Я стал видеть и понимать¹¹.

Обучение способствовало получению не только практического, но и духовного опыта, оно касалось этики поведения в тайге, где, кроме человека, живет много других живых существ. Как-то молодой Николай каюрил на оз. Токо с Афанасием Петровичем Яковлевым и в разговоре хвастливо отозвался о медведе, что категорически запрещено у эвенков. Спустя два дня медведь задавил верхового оленя Афанасия Петровича. «Целый день Афанасий Петрович со мной почти не разговаривал, а вечером отчитал, как напакостившего мальчишку <...>: “Вы, русские, пришли в тайгу, и для вас законов таёжных нет. А здесь, как везде в жизни, надо знать, что ты думаешь, что говоришь и что делаешь. Коля, всегда думай хорошо, говори хорошо, делай хорошо и тебе плохо не будет”¹².

Принадлежность к эвенкам, определявшаяся ранее антропологическим типом, родством и языком, в 1980–2000-е годы для охотников и оленеводов стала определяться в основном вовлеченностью в традиционные занятия. Тех, кто не жил в тайге, даже называли русскими – *луча*. Эвенк-шестиклассник из Красноярского края выразил это так: “Я когда сюда приехал, еще не был эвенком, был *луча*. Чтоб эвенком стать, надо все научиться делать. Я учился маутом оленей ловить, обучать их, рыбачить, все-все делать и сейчас стал эвенком” (Алехин 2022: 476). В рассказах Абоимова отразился его личный опыт вхождения в эвенкийскую культуру через познание и обучение, преодоление себя. И молодые эвенки уже не сомневались, что он эвенк: «...в разговоре с парнем-эвенком сказал, что в стаде (в оленеводческой бригаде. – А.С.) я был один русский. Он посмотрел на меня удивленно и произнес: “А я всегда думал, что вы эвенк”. Это стало для меня неожиданной и очень ценной наградой»¹³.

Мотив игры

У эвенков понятия “играть” и “жить” синонимичны. На эвенкийском языке слово с корнем “играть” означает и “представлять”, и “подражать”, и “изображать”, т.е. «воздействовать на жизнь человека <...> Желанием выжить, создать лучший мир и объясняются, на наш взгляд, слова “чтобы жить, мы должны играть!”» (Лаврилье 2007). Кроме того, эвенки полагают, что во второй половине жизни количество положительных духов *оннир*, которые дают о себе знать через умение и талант, увеличивается, и пожилые люди способны воздействовать на мир (Лаврилье 2022).

Н.И. Абоимов не уточняет, что он подразумевает под термином “играть” – это может быть и песня, и игра на музыкальном инструменте (он поет под гитару песни собственного сочинения), а также любое творческое действие, включая представление, рассказ, видеовыступление. Игра всегда в радость, она не прагматична (“Я вам сыграю просто так”). Глухари на току тоже “играют” – поют гимн жизни и продолжению рода. Глухари в стихотворении Абоимова появились не только для рифмы: автор поет свою песню так, как может, его слово обязательно будет услышано. Творческий процесс проявляется и в поиске тем для личного блога автора, и в общении с новыми людьми, которые могут быть интересны его аудитории. Николай Иосифович участвует в “Литературных гостиных”, встречается со школьниками, режет из дерева различные поделки, которые дарит знакомым и передает в музеи, изготавливает и ремонтирует ножи и другие предметы эвенкийского быта, наблюдает за природой, возделывает огород, помогает близким и дальним людям.

В телефонном разговоре с Николаем Иосифовичем я пожаловалась, что статья о нем идет трудно. Он засмеялся и сказал, что художники тоже не могут нарисовать его портрет, потому что “я все время разный”. Может быть, это тоже результат игры, творческого поиска?

Мотив преодоления

Пространство тайги — это пространство постоянных вызовов, встающих перед таежником. А жизнь в тайге — это непрерывное преодоление сложных ситуаций, требующее от человека знаний, умений и силы духа. Преодоление трудностей является делом не только индивидуальным, но и коллективным, т.е. социальным, вот почему в тайге так важны информация и постоянный обмен ею между людьми. Вечерами таежные эвенки собираются вместе в палатке, делятся тем, что они узнали и увидели в течение дня, передвигаясь в поисках домашних оленей или дикого зверя, обсуждают состояние ледяного или снежного покрова, поведение оленей, новые маршруты и многое другое. А. Лаврилье и С. Габышев назвали такие вечерние обсуждения “таежными семинарами”, по аналогии с научными семинарами, так как у них одна цель — узнать новое, поделиться информацией, прийти к аналитическим и практическим выводам (*Lavriller, Gabyshev 2017*).

В антропологической литературе такие особенности жизни в природе, как суровость и непредсказуемость, до недавнего времени оставались без должного осмысления и, соответственно, описания и анализа; появилась тенденция идеализации отношений человека и животных, человека и природы. Лишь в последние годы, и то скорее в связи с новыми вызовами времени — климатическими изменениями, пандемиями, возросшей турбулентностью в природе и обществе, — в западной антропологии, а вслед за ней и в российской стала актуальной тема неопределенности в повседневной жизни, в том числе на Севере и в Сибири¹⁴.

Часто с охотниками-промысловиками в тайге происходят непредвиденные случаи. Абоимов сам не раз попадал в сложные ситуации и немало слышал о них от таежников. И Николай Иосифович передает этот опыт читателям: его рассказы не просто позволяют пережить интересное приключение со счастливым концом, — они содержат важную информацию, которая может кому-то пригодиться, служат наглядными примерами проявления находчивости и силы духа (“Борьба за живучесть”, “Водные процедуры”, “Ледяная купель”, “Три глотка воздуха” и др.).

Так, знакомый автора, вездеходчик и охотник Юрий Патрушев, сумел доплыть до берега, после того как его лодка в начале октября опрокинулась на Зейском водохранилище в трех километрах от берега:

Начал уставать, когда до берега оставалось с километр. <...> Силы окончательно покидали меня, я почти терял сознание. Сквозь туман в голове услышал: по БАМу, стуча по стыкам рельс, прошёл поезд. Возможно, это меня как-то мобилизовало и помогло, но до берега я плыл уже не помня себя. Очнулся, когда почувствовал под рукой землю. Попытался встать и не смог. Попробовал еще раз и снова упал в воду. Ноги не держали меня. Тогда я пополз. Выполз на берег и, цепляясь за землю руками, двигал тело к дороге. Дополз до дороги и обессилел окончательно. Но надо было идти, и я поднимался и падал. Лицо, лоб, руки потом оказались разбитыми в кровь. Как

вставал, откуда брались силы – и сам не могу понять. Помню только одну мысль: “Дойти, доползти, доцарапаться”. Добрался до крыльца здания разьезда и рухнул, чтоб уже не подняться. Здесь меня и нашли люди¹⁵.

Здесь ключевое слово – люди. Одиночки в тайге в долгосрочной перспективе не выживают: несмотря на то что социальная среда там физически “разрежена”, нагруженность и качество социальных связей чрезвычайно высоки. Поэтому экстремальный опыт одного человека должен быть разделен с другими людьми.

В тайге в понятие “социальная среда” можно было бы в той или иной мере включить и одомашненных животных, прежде всего охотничьих собак и оленей, с которыми эвенки продолжают делить таежное пространство, хотя все меньше остается эвенков-охотников с оленями. Рассказы о собаках (“Север дорогу знает”, “Снежок”, “Старик”, “Соперники”, “Спектакль трех актеров”, “Снежок и росомаха”, “Укус” и др.) или оленях (“Ландо”, “Лербе”, “Старуха” и др.) вобрали в себя разные случаи из жизни человека и животных, неповторимые характеристики их поведения, секреты выучки и примеры взаимодействия с человеком – все это вписывается в актуальную антропологическую тему отношений человека и животных.

Преодоление касается не только непредвиденностей внешнего мира – как природного, так и социального, но и пороков и страстей, гнездящихся внутри человека (“Как я бросил курить”, “Подарок”). В этом проявляется еще одна черта творчества Н.И. Абоимова – искренность и исповедальность.

Люди

Все герои Абоимова – реальные люди, с которыми ему довелось встретиться на долгом жизненном пути: охотники, геологи, лесостроители, вертолетчики, рыбаки, пенсионеры... Это и отец писателя, ветеран Великой Отечественной войны, работавший на земле и очень любивший ее, и родной брат Виктор, приехавший вслед за Николаем в Бомнак и ставший охотником, и друг Виталий Барышников, тоже охотник. Однако особое место в рассказах Абоимова занимают эвенки: семья и родственники известного по повестям Г. Федосеева Улукиткана – Семена Григорьевича Трифонова (сын Николай Семенович Трифонов и его внук Юрий Трифонов, дядя Гриша и тетя Поля Трифоновы, тетя Катя Трифонова – племянница Улукиткана и ее муж Кирилл Сафронов); Кирилл Григорьевич Трифонов (Кипка); Николай Егорович Романов (Никулас) – тесть Абоимова, охотник-каюр; дядя Саша Колесов (Санкандя) и его жена тетя Варя (Балба); и многие другие. Короткие зарисовки передают их неповторимый облик и характер. Кирилл Трифонов любил кочевать по тайге в одиночку в поисках новых мест, вел дневник, в котором описывал свои путешествия, делал рисунки и карты (очерк “Из дневника таежника”). Автор не скрывает восхищения силой духа Виктора Родионова, у которого не было правой руки, но он жил и охотился в тайге:

...он ловко подъехал на оленях, запряжённых в три нарты. Мы вышли помочь ему, но он и сам ловко распрягал оленей и привязывал их к деревьям. С одной из нарт он достал двух глухарей и занёс их в зимовье. Вечером мы

ели лапшу из глухаря. Теперь я разглядел его внимательней. Невысокий, худощавый, с особым блеском внимательных чёрных глаз. <...> Вспоминаю его лицо, его улыбку, его жизнь во мне зреет чувство глубокого уважения. Его стойкая жизнь и мне придаёт уверенности¹⁶.

Большинства тех, о ком повествуют рассказы, уже нет на свете, но благодаря писателю сохранились образы бомнакских эвенков, в основном охотников-оленеводов, живших в 1970–1990-е годы.

Охота

Охота – исконное и любимое занятие эвенков – сблизила Абоимова и местных жителей. Это не единичный случай: исторически везде в местах контактов эвенков и русских старожилов, занимавшихся охотой, между ними устанавливались прочные связи (Алексеев 1986; Сирина 2002). Не случайно особое место в книге занимают охота и случаи на охоте. Николай Абоимов учился у эвенков: “Я благодарен всем моим учителям, потому что охота кормила меня и мою семью всю жизнь, так же как и моих наставников”¹⁷. Свой охотничий опыт он описал в рассказах “Добыть, чтобы жить”, “Научись сначала есть”, “Методы охоты”, “Ноннотыдяк”, “Соболя дяди Васи”, “Три ловушки – один соболя” и др.

В рассказе “Каждый охотник – поэт” Николай Иосифович поместил стихотворение своего брата Виктора: “Навалило снега по самые уши / Натоптался вволю, маму твою в душу. / Мокрый и усталый дотянул к избушке, / Отогрелся чаем из большущей кружки. / Ну, и что с того, что соболя не попался? / Я и так доволен, что сюда добрался”¹⁸. Из приведенного отрывка ясно, что каждый охотник – обязательно еще и философ. Философское отношение к жизни формирует сам характер профессии, связанной с таежным одиночеством, с красотой первозданной и суровой природы, с ежедневным тяжелым физическим трудом на фоне непрерывно меняющейся действительности, с картинами жизни и смерти. Все это дает пищу для ума, заставляет искать причинно-следственные связи, нестандартно мыслить. Так, однажды автор нашел в своем капкане на соболя живого филина и выпустил его, но при этом задался вопросом (рассказ так и назван: “Вопрос без ответа”): “За кого он меня принял, и кто я для него? Враг, поймавший его в капкан или друг, освободивший его из плена?”¹⁹

В обществе под влиянием “зеленой” повестки сложилось негативное представление об охоте. Абоимов показывает, что охота – это не убийство, а напряженный процесс добычи, трудный поединок на равных, если, конечно, речь идет не о браконьерах или людях, для которых охота – забава. “Охотнику всегда жалко зверя”, – заметил в разговоре со мной Николай Иосифович.

Автор не мог обойти вниманием распространившуюся в нашем обществе философию наживы и потребительства, которая в условиях тайги проявляется в неумеренной добыче животных. Об этом его рассказы “Меньший брат”, “Замкнутый круг”, “Немного о грустном”, «Охотники и “охотники”». В рассказе “Последний сохатый” появляются элементы аллегории и сюрреализма: “сохатый изо всех сил старался выжить. Выжить, чтобы выжило все живое на земле. Выжить, чтобы выжил и его преследователь – человек”²⁰.

Материальный мир эвенков

Материальность как “многовековой опыт взаимодействия местного населения с материальными объектами и окружающей средой”²¹ в российских исследованиях Севера вновь стала актуальной в начале XXI в.

Много нового почерпнет этнограф, не говоря уже об обычном читателе, из рассказов о пище и культуре питания (“Уман”, “Кукура – сушено мясо”, “Лепешки на долговуне”, “На всякий случай”, “Научись сначала есть”, “Буллэ” и др.), об орудиях труда и трудовых процессах у эвенков (“Нож оленевода”, “Уривун”, “Эрэвун” и др.). Особенно восхищают Абоимова многофункциональные эвенкийские ножи *кото* – узкие, несколько вогнутые, заточенные на одну сторону. О костяной игле, деревянных посохах охотников-оленеводов *тыявун*, поварешках *уриун*, деревянной лопате *эрэвун*, нарте *серга*, мауте – кожаном аркане для ловли оленей Абоимов рассказывал и на канале “Таежная обитель”. Стандартизированные, скрупулезные этнографические описания материальных предметов обычно составляются исследователями на основе работы с музейными коллекциями и/или с информантами. Однако контекст и нюансы использования этих предметов в научных трудах приводятся редко. Материальный мир эвенков в рассказах Абоимова объемный, чувствуется, что автор не понаслышке знаком с ним, что он постоянно пользовался эвенкийскими вещами в повседневной жизни, сам изготавливал некоторые предметы, в том числе для местного музея.

Николай Иосифович не только дает детальные описания материальных предметов, созданных эвенками, но и философски осмысливает их предназначение. Так, в рассказе об эвенкийских суминах для кухонной утвари *колорук* и сумочках для ручных инструментов *авсакан* с разным содержимым у мужчин и женщин он замечает: “Меня всегда изумляла эта предельно ограниченная в объёме простота, когда вроде бы ничего нет, и, в то же время, всего в достатке”. И еще: “Если во время кочёвок при вас есть авсакан, то всегда можно рассчитывать на то, что удастся выйти из любых непредвиденных ситуаций, а если нет, то могут возникнуть большие проблемы”²². Одна из передач на канале “Таежная обитель” была как раз посвящена содержимому сумочки авсакан, которое согласился показать зрителям эвенк Павел Трифонов. Это настоящее этнографическое исследование и одновременно мастер-класс. И таких передач на канале у Абоимова немало.

Каюры

С момента первого контакта с русскими эвенки были вожами и проводниками землепроходцев, исследователей и путешественников, осваивавших просторы Сибири. Слово “каюр” первоначально использовалось для обозначения погонщиков запряженных в нарты собак и оленей на Северо-Востоке и Дальнем Востоке России. В 1950-е годы каюрами стали называть и проводников на оленях, перевозящих грузы для геологоразведочных экспедиций. Вклад, который эвенки-каюры внесли в открытие новых месторождений, до сих пор недооценен. Будущий писатель, геолог Г. Федосеев много лет работал с эвенками-проводниками на севере Зейского района Амурской области, – в тех местах и с предками тех людей, среди которых позже жил и работал Н. Абоимов. До недавнего времени в г. Зее еще стоял домик, в котором останавливался Г. Федосеев, где он создал свои произведения “Таежные встречи”, “Мы идем по Восточному

Саяну”, “Злой дух Ямбуя”. Захватывающие “приключенческие” повести Г. Федосеева “Тропою испытаний”, “Смерть меня подождет” и другие известны многим читателям (см. подробнее: *Забияко* 2012а, 2012б); его творчество несомненно оказало влияние на прозу Николая Абоимова.

Произведения двух писателей многое объединяет: место действия – тайга севера Амурской области, Становой хребет; общие мотивы; схожие персонажи (главные герои – эвенки); использование этнографической информации. При этом каждый из них выбрал свою форму подачи материала: Г. Федосеев – художественно-документальную повесть, Н.И. Абоимов – очень короткий документальный рассказ.

Николай Иосифович пишет: “С Бомнака каждое лето более сорока каюров отправлялось в разные стороны тайги: с геологами, с топографами, с лесоустроителями, с геодезистами. Все приезжали радостные, наполненные новыми впечатлениями и знакомствами, с надеждой ждали новых встреч. Я думаю, это было обоюдным. В этом проявлялась какая-то поэзия для тех и других”²³. Так рождались рассказы о добрых взаимоотношениях между эвенками-каюрами и геологами, о взаимном уважении к труду и знаниям друг друга.

Абоимов сам вместе с напарниками-эвенками водил геологические партии по горной тайге. Этот период описан им в своем дневнике:

Сегодня сильно устал, хотя в основном ехал на седовом. Едешь напряжённо настороженно, переживаешь, как бы не оторвались олени, не послазили выюки, не набить сёдлами оленям спины. Олени тоже устают, тяжело дышат от жары, мечутся от паутов и мошки. А, в общем, они у меня держатся молодцами, не упрямятся, не ложатся по дороге <...>

Олени, олени / Без устали и лени / По марям и по сопкам / Вы тащите наш груз / Олени, олени / Зачем вы похудели? / И отчего в глазах / Такая грусть? / А утром спозаранку / Приходите к палатке / У дымокура ляжете гурьбой / Опять мы вас завьючим / Опять вас будем мучить / Лишь к ночи наступает вам покой. / Я вас люблю олени / Как хорошо, что вы в тайге со мной²⁴.

В одном из рассказов Николай Абоимов пишет:

Эвенки очень любят кочевать. <...> Я всегда удивлялся выдержке и спокойствию эвенков в самых трудных, сложных и длительных передвижениях в условиях тайги. <...> кочёвки для меня стали также очень значимыми, потому что это новые места, новые приключения и впечатления, новые встречи. Сейчас, когда я живу в городе, порой так сильно хочется снова оказаться в тех местах и с теми людьми, которые утром сказали бы: “Коля, инымган нулгидяс” (Коля, сегодня кочуем)²⁵.

Но в последние десятилетия обозначилась серьезнейшая проблема: все меньше эвенков кочует по тайге – меняются сами эвенки, быстро меняется и тайга – из-за вырубки леса, добычи минеральных ресурсов, загрязнения земли и воды.

Эвенки не представляли, что за геологической разведкой рано или поздно наступит освоение территории: строительство инфраструктуры, наплыв приезжих,

отчуждение земель, сокращение зверя и птицы. М. Михалев предельно заостряет внимание на происходящих изменениях, он говорит о безжалостном наступлении цивилизации и потере эвенками исконной системы координат, образно называя ее “системой троп” (Михалев 2022). На одной из конференций прозвучал вопрос: а стали бы эвенки каюрами и проводниками (вожами), если бы знали, что будет с их землей спустя время? Вопрос непростой, во многом риторический, на него нет однозначного ответа. Он поставлен европейцем и адресован прежде всего представителям европейской цивилизации. Несомненно, требуется “кардинальное переосмысление тональности дискуссии”, которая сопровождает “интеграцию в общее социальное пространство страны отдаленных, фронтальных территорий, населенных коренными малочисленными народами Сибири и Дальнего Востока” (Михалев 2022: 222).

* * *

Для понимания происходящих в повседневности коренных народов явлений и процессов, особенно современных, важно привлекать и анализировать новые источники: блоги, устные истории, семейные предания, художественную и документальную литературу.

Сходство мотивов и сюжетов в произведениях, относимых к “национальным литературам”, объясняется не в последнюю очередь “одинаковым для всех авторов разрывом с родной культурой, породившим проблематику их книг” (Непомнящих 2022: 82). У многопланового, разножанрового наследия Николая Абоимова, включающего, кроме рассказов, еще и стихи, и видеовыступления, — иное происхождение. Проблематику его творчества породил не разрыв, а встреча с эвенкийской культурой. Абоимов приехал на Дальний Восток в то время, когда закончился форсированный государством перевод эвенков на оседлый образ жизни. Женщины-эвенки переселялись в поселок, где учились их дети, была работа, магазины; молодежь, воспитанная в поселках, не стремилась стать охотниками-оленеводами, жить и работать в тайге — выбирала другие занятия. Это зафиксировали и социологические опросы, проведенные в 1970-е годы среди эвенков (Бойко, Васильев 1981; см. также: Иванова 2017). Линия жизни Абоимова во многом уникальна: он пришел в тайгу из мира другой культуры и был принят эвенками. Его рассказы отражают реалии жизни охотников-оленеводов 1970–1990-х годов. Так уж сложилось, что среди бомнакских эвенков почти не осталось его ровесников — из-за несчастных случаев, вызванных действием алкоголя, мужчины рано уходили в иной мир:

Заросли в тайге тропы, о былом многолюдии напоминают еще многочисленные старые дюкча (таборы), куреканы (загоны для оленей), лабазы. Они, опустевшие, смотрят на нас с болью, жалостью и укором, смотрят глазами тех людей, которых мы знали, заходили к ним в гости в палатки, жили с ними одной жизнью. Алкоголь подвел людей к краю пропасти. И к тем, кто остался, стало приходиться осознание беды²⁶.

Но на светлой, оптимистической ноте заканчивает Николай Иосифович этот рассказ: “Радует то, что постепенно кто-то уходит с этой тропы, и появляется надежда, что наши дети выберут снова естественный путь, путь с природой, путь,

по которому они будут уверенно идти в будущее”²⁵. Его сын от первого брака, эвенк Юрий Николаевич Абоимов — один из немногих, кто до сих пор кочует с оленями по дальневосточной тайге.

Н.И. Абоимов говорит, что иногда слышит упреки в том, что он идеализирует эвенков. Да, он показывает лучшие стороны их жизни и характера, потому что понимает:

Надо видеть в них людей просто. А многие видят по поселку: вот сопливые эвенки, вот пьяные... Эвенки об этом знают. Они же слышат в поселке. А в тайге, когда спасли геологиню, поделились последним куском хлеба, когда ты потерял нож и они отдали тебе запасной, это совсем другое отношение. И когда кладешь на весы, — весы, где больше добра, они перетягивают (ПМА 1).

Творчество Николая Абоимова является ценным этнографическим источником и представляет собой существенный вклад в популяризацию эвенкийской культуры. Так получилось, что русский человек, познавший эвенкийскую охотничье-оленоводческую культуру изнутри, от стариков, сегодня транслирует культурное наследие эвенков молодому поколению.

В то же время взгляд Н.И. Абоимова на действительность, на современный мир, шире, чем обычно транслируемый в “национальных литературах”. В фокусе его внимания не только эвенки, особенности их жизни, верований, — иными словами, не только этническая тематика — но и воспоминания о родных и знакомых людях, живущих в разных уголках России, и современная культурная жизнь дальневосточного г. Зеи, и проблемы охраны природы, и деятельность Токинско-Станового национального парка, т.е. жизнь страны и мира в целом.

Любовью к тайге и людям, благодарностью к знатокам тайги — эвенкам, счастьем прожитой жизни проникнуто творчество Николая Иосифовича Абоимова. Благодаря этому автору удалось создать яркую мозаичную документально-художественную картину жизни бомнакских эвенков. Жизненный путь русского человека, сумевшего войти в эвенкийскую культуру, дает пример преодоления культурных границ и выстраивания культурного контакта без конфликта. Абоимов разделил с эвенками место и время жизни, он всегда по-доброму относится к людям и животным, щедро делится знаниями и опытом, находится в постоянном творческом поиске — в этом и заключается главный секрет привлекательности его личности и его творчества.

Благодарности

Автор выражает благодарность Н.И. Абоимову за теплый прием и многочасовые беседы, анонимным рецензентам за ценные советы и комментарии и редактору журнала М.Ф. Кучеровой за высокопрофессиональную работу.

Примечания

¹ Абоимов Н. “Вот такая любовь”. <https://proza.ru/2019/10/06/1699>

² Комментарии читателей к рассказу см.: <https://proza.ru/comments.html?2019/10/06/1699>

³ Абоимов Н. “Что ты видел во сне?” <https://proza.ru/2018/09/12/771>

⁴ Комментарии читателей к рассказу см.: https://proza.ru/rec_author.html?ani89143807235

⁵ Интересно, что этот прием применяют и преподаватели на филологических факультетах некоторых вузов (Хазанкович 2023).

⁶ См. об этом: <https://concours.nazaccent.ru/novosti/short-list-konkursa-smirotvorec-2024-nominacii-detskie-i-molodezhnye-smi-etnozvuik-i-blogi>

⁷ Канал “Таежная обитель”. <https://yandex.ru/video/preview/11162144906114424309>

⁸ Абоимов Н. “С болью и укором”. <https://proza.ru/2019/01/04/977>

⁹ Абоимов Н. “Луча бегин луча”. <https://proza.ru/2018/09/13/97>

¹⁰ Абоимов Н. “Азы таёжного ориентирования” (<https://proza.ru/2019/03/26/1861>). К этому рассказу один из читателей оставил такой комментарий: “Интересно у Вас! Анатолий”. https://proza.ru/board/list.html?start=33&rec_author=ani89143807235

¹¹ Абоимов Н. “Следопыт – это жизненная необходимость”. <https://proza.ru/2018/11/06/1702>

¹² Абоимов Н. “Думай хорошо, говори хорошо, делай хорошо”. <https://proza.ru/2019/02/25/254>

¹³ Абоимов Н. “Научись сначала есть”. <https://proza.ru/2019/01/25/1825>

¹⁴ См., напр., материалы Международной научной конференции “III Томский антропологический форум” (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2024>). Хотя в российской этнологии она могла бы возникнуть и раньше, в 1990-е годы, но тогда стремительно меняющаяся жизнь бывших советских граждан изучалась через понятия “реформа” и “трансформация”.

¹⁵ Абоимов Н. “Заставь себя выжить”. <https://proza.ru/2019/02/24/63>

¹⁶ Абоимов Н. “Виктор Родионов”. <https://proza.ru/2019/03/01/1963>

¹⁷ Абоимов Н. “Методы охоты”. <https://proza.ru/2018/09/12/771>

¹⁸ Абоимов Н. “Каждый охотник – поэт”. <https://proza.ru/2018/09/13/97>

¹⁹ Абоимов Н. “Вопрос без ответа”. <https://proza.ru/2019/02/12/2057>

²⁰ Абоимов Н. “Последний сохатый”. <https://rscf.ru/project/23-18-00637>

²¹ См проект РФФ: <https://rscf.ru/project/23-18-00637>

²² Абоимов Н. “Колорук и авсакан”. <https://proza.ru/2018/09/12/771>

²³ Абоимов Н. “Взаимоотношения”. <https://proza.ru/2019/02/10/508>

²⁴ Абоимов Н. “Каюр. Экспедиция на Токо”. <https://proza.ru/2018/09/13/108>

²⁵ Абоимов Н. “Кочевье – в крови”. <https://proza.ru/2018/09/12/771>

²⁶ Абоимов Н. “С болью и укором”. <https://proza.ru/2019/01/04/977>

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы автора, 2024 г.; Зея, Зейский район Амурской области.

Абоимов 1971 – Абоимов Н.И. Полевой дневник. 1971 // Зейский районный краеведческий музей. Б/н.

Абоимов 2025 – Абоимов Н.И. Каюр. Сборник рассказов. М.: Издательские решения, 2025.

Подольский 2025 – Подольский С.А. Предисловие // Абоимов Н.И. Каюр. Сборник рассказов. М.: Издательские решения, 2025. С. 3–7.

Филатов 2017 – Филатов Г. “Слава Богу, я в тайге” // Зейский вестник. 2017. № 150 (14 декабря).

Научная литература

Абашин С.С. Свой среди чужих, чужой среди своих (размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса “Свой”) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–25.

Алексеев Е.А. Промысловая культура населения Туруханского региона // Культурные традиции народов Сибири / Отв. ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1986. С. 57–94.

- Алехин К.А.* Семья, родство: этические аспекты // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. Л.И. Миссонова, А.А. Сирина. М.: Наука, 2022. С. 472–486.
- Бойко В.И., Васильев Н.В.* Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. Новосибирск: Наука, 1981.
- Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С.* Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021.
- Головнёв В.А.* Эвенкийский этноблогинг: виртуальная самопрезентация и теория социальной драматургии // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 129–146. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146>
- Давыдов В.Н.* Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб.: Кунсткамера, 2013. С. 267–280.
- Забияко А.А.* Материальная и духовная культура эвенков в художественной этнографии амурских писателей // Филологическая регионалистика. 2012а. № 1 (17). С. 12–31.
- Забияко А.А.* Религиозные традиции амурских эвенков в художественной этнографии Г.А. Федосеева // Религиоведение. 2012б. № 1. С. 144–164.
- Иванова Э.В.* Проблема “отчуждения” в повести Г.И. Варламовой / Г. Кэптукэ “Мой папа – Санта Клаус” // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 4. С. 51–59.
- Козлов С.Я.* Этнолитературоведение – это интересно и перспективно // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 152–165.
- Лаврилье А.* Эвенкийская игра эви-/икэ: между игрой и ритуальным действием // Религиоведение. 2007. № 1. С. 3–8.
- Лаврилье А.* Эвенкийский концепт оннир: человек, духи, след, действия // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. Л.И. Миссонова, А.А. Сирина. М.: Наука, 2022. С. 513–519.
- Максимова И.Е.* Эвенки Западной Сибири в художественно-публицистической литературе XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета: Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 107–123. <https://doi.org/10.17223/22220836/29/10>
- Михалев М.С.* (Ан)тропология фронта: дороги и тропы в судьбах приамурских эвенков // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 221–232. <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>
- Непомнящих Н.А.* Эвенкийская литература: специфика генезиса и бытования, типические сюжеты и мотивы // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 75–82.
- Непомнящих Н.А.* О чем говорят сюжеты и мотивы литератур народов Сибири и Дальнего Востока XX века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 77–90. <https://doi.org/10.17223/18137083/81/6>
- Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск: Оттиск, 2002.
- Сирина А.А., Давыдов В.Н.* Этнограф Борис Александрович Васильев и его очерк “Пять дней среди орочей”: стратегии письма в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150012346-0>
- Соколовский С.В.* Этнография: стиль, жанр и метод (о статье С.Н. Абашина “Свой

среди чужих, чужой среди своих”) // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 2. С. 26–34.

Taxo-Godi E.A. Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 10–41. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41>

Хазанкович Ю.Г. Эвенкийская литература: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2002.

Хазанкович Ю.Г. “Русскость нерусских...”: из опыта преподавания литератур малочисленных народов Арктики иностранным студентам // *Новые горизонты РКИ. Сборник материалов II Азиатского международного форума*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. С. 372–379.

Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2017.

Research Article

Sirina, A.A. Overcoming Boundaries: Life and Work of Nikolai Aboimov [Preodolenie granits: zhizn' i tvorchestvo Nikolai Aboimova]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 5, pp. 179–199. <https://doi.org/10.7868/S3034627425050102> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Anna Sirina | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

ethnology and literature, writing, Nikolai Aboimov, motives of creativity, Bomnak Evenki, hunters and reindeer herders, cultural contact

Abstract

The subject of the article is the work of the Russian writer and blogger living in the Far East – the former hunter-reindeer herder Nikolai Iosifovich Aboimov. The case of Nikolai Aboimov's entering the Evenki culture deserves attention as an example of cultural contact without conflict. He managed to overcome cultural and mental borders between the two cultures due to a long-term lived experience shared with the Evenki. He gained from them deep first-hand knowledge about their unique culture and expressed it in his work. A percipient and observant person as all hunters are, he memorized and recorded his experience in diaries and later transferred it into literary form and videos. This article employs methods and approaches both of ethnology and of literary criticism, attempting to combine biographical analysis and content analysis of various sources such as video blogs and works of art, as well as drawing on fieldwork, interviews, and museum research. I examine the major motives in the literary work of Nikolai Aboimov – namely, those of taiga, education/self-education, play/creativity, and will to live and overcome difficulties. In fact, Aboimov himself used a phenomenological approach in understanding reality, which helped him describe the essence of lived situations. His stories – documentarily accurate miniature sketches of everyday life in the taiga – feature some fifty characters, mainly Evenki and some other people, as well as dogs, reindeer, wild animals and birds. These stories tell us about hunting and reindeer herding, material culture, beliefs, Evenki's knowledge and pedagogy, as well as collaboration with geologists. I argue that Aboimov's stories and videos should be seen as valuable and reliable ethnographic sources conveying information about the Bomnak Evenki; furthermore, they provide answers to questions about the ways of overcoming cultural boundaries while maintaining own identity.

References

- Abashin, S.N. 2003. Svoi sredi chuzhikh, chuzhoi sredi svoikh (razmushleniia etnografa po povodu novelly A. Volosa “Svoi” [“One’s Own Among the Others, the Other Among One’s Own”] (Ethnographic Reflections on the Short Story by Andrey Volos “One’s Own”). *Etnograficheskoe Obozrenie* 2: 3–25.
- Alekhin, K.A. 2022. Sem’ia, rodstvo: eticheskie aspekty [Family and Kinship: Ethical Aspects]. In *Tunguso-manchzhurskii narody Sibiri i Dal’nego Vostoka* [Tungus-Manchu People of Siberia and the Far East], edited by L.I. Missonova, and A.A. Sirina, 472–486. Moscow: Nauka.
- Alekseenko, E.A. 1986. Promyslovaia kul’tura naseleniia Turukhanskogo regiona [Hunting Culture of the Population of the Turukhansk Region]. In *Kul’turnye traditsii narodov Sibiri* [Cultural Traditions of Peoples of Siberia], edited by C.M. Taksami, 57–94. Leningrad: Nauka.
- Boiko, V.I., and N.V. Vasiliev. 1981. *Sotsial’no-professional’naia mobil’nost’ evenkov i evenov Yakutii* [Social and Professional Mobility of the Evenki and Eveny of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
- Davydov, V.N. 2013. Vlast’ provodnika: kaiury-evenki i ispol’zovanie olenogo transporta na Severnom Baikale [Mediator’s Power: Kaiurs-Evenkis and the Use of Reindeer Transport in the Northern Baikal]. In *Rannie formy potestarnykh system* [Early Forms of the Potest Systems], edited by V.A. Popov, 267–280. St. Petersburg: Kunstkamera.
- Golovnev, A.V., S.Y. Belorussova, and T.S. Kisser. 2021. *Virtual’naia etnichnost’ i kiberetnografiia* [Virtual Ethnicity and Cyberethnography]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev, V.A. 2024. Evenkiiskii etnoblogging: virtual’naia samoprezentatsiia i teoriia sotsial’noi dramaturgi [Ethno-Blogging among the Evenks: Virtual Self-Presentation and the Theory of Social Dramaturgy]. *Vestnik antropologii* 2: 129–146.
- Ivanova, E.V. 2017. Problema “otchuzhdeniia” v povesti G.I. Varlamovoi / G. Keptuke “Moi papa – Santa Klaus [The Problem of “Alienation” in the Novel of G.I. Varlamova / G. Keptuke “My Daddy is Santa Clause”]. *Voprosy istorii i kul’tury severnykh stran i territorii* 4: 51–59.
- Khazankovich, Y.G. 2002. *Evenkiiskaia literatura* [Evenki Literature]. Moscow: MAKS Press.
- Khazankovich, Y.G. 2023. “Russkost’ nerusskikh...”: iz opyta prepodavaniia literatur malochislennykh narodov Arktiki inostrannym studentam [“Russianness of Non-Russians...”: From the Experience of Teaching the Literatures of the Small-Numbered Peoples of the Arctic to Foreign Students]. In *Novye gorizonty RKI. Sbornik materialov II Aziatskogo mezhdunarodnogo foruma* [RKI’s New Horizons: Proceedings of the 2nd International Asian Forum], 372–379. Yakutsk: Izdatel’skii dom SVFU.
- Kozlov, S.Y. 2005. Etnoliteraturovedenie – eto interesno i perspektivno [Ethnoliterary Studies Are Interesting and Promising]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 152–165.
- Lavrillier, A. 2007. Evenkiiskaia igra evi-/ike: mezhdou igroi i ritual’num deistviem [Evenki Play Evi-/Ike: Among Play and Ritual Act]. *Religiovedenie* 1: 3–8.
- Lavrillier, A. 2022. Evenkiiskii kontsept *onnir*: chelovek, dukhi, sled, deistviia [The Evenki Concept *onnir*: Human, Spirits, Track and Actions]. In *Tunguso-manchzhurskie narody Sibiri i Dal’nego Vostoka* [Manchu-Tungus Peoples of Siberia and the Far East], edited by L.I. Missonova and A.A. Sirina, 513–519. Moscow: Nauka.

- Lavrillier, A., and S. Gabyshev. 2017. *An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications.
- Maximova, I.E. 2018. Evenki Zapadnoi Sibiri v khudozhstvenno-publitsisticheskoi literature XX–XXI vv. [The Evenks of Western Siberia in Fictionalized Journalism of the 20th and 21st Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Kul'turologiia i iskusstvovedenie* 29: 107–123. <https://doi.org/10.17223/22220836/29/10>
- Mikhalev, M.S. 2022. (An)tropologiia frontira: dorogi i tropy v sud'bakh priamurskikh evenkov [Frontier Anthropology: On the Trails and Roads in the Lives of Amur Evenks]. *Vestnik antropologii* 3: 221–232. <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>
- Nepomnyashchikh, N.N. 2014. Evenkiiskaia literatura: spetsifika genezisa i bytovaniia, tipicheskie syuzhety i motivy [Evenk Literature: The Specificity of Genesis and Existence, Typical Plots and Motives]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 4: 75–82.
- Nepomnyashchikh, N.N. 2022. O chem govoryat syuzhety i motivy literature narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka XX veka [Plots and Motifs of the Literatures of Siberian Indigenous Peoples in the 20th Century]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 4: 77–90. <https://doi.org/10.17223/18137083/81/6>
- Sirina, A.A. 2002. *Katangskie evenki v XX veke: rasselenie, organizatsiia sredi zhiznedeiatel'nosti* [Katanga Evenkis in the 20th Century and the Ordering of Their Life-World]. Moscow; Irkutsk: Ottisk.
- Sirina, A.A. and V.N. Davydov. 2020. Etnograf Boris Aleksandrovich Vasiliev i ego ocherk “Piat' dnei sredi orochei”: strategii pis'ma v sovetskoii etnografii [The Ethnographer Boris Aleksandrovich Vasiliev and His Essay “Five Days among Orochis”: Writing Strategies in Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150012346-0>
- Sokolovsky, S.V. 2003. Etnografiia: stil', zhanr i metod (o stat'e S.N. Abashina) [Anthropology: Styles, Genres, and Methods (Comments to the article by S.N. Abashin)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 26–34.
- Takho-Godi, E.A. 2021. Russkaia literatura i filosofii: problemy izucheniia i predvaritel'nye itogi [Russian Literature and Philosophy: Problems of Study and Preliminary Results]. *Studia Litterarum* 6 (4): 10–41. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41>
- Zabiyako, A.A. 2012. Material'naia i dukhovnaia kultura evenkov v khudozhestvennoi etnografii amurskikh pisatelei [Material and Spiritual Culture of the Evenks in the Artistic Ethnography of Amur Writers]. *Filologicheskaiia regionalistika* 1 (17): 12–31.
- Zabiyako, A.A. 2012. Religioznye traditsii amurskikh evenkov v khudozhestvennoi etnografii G.A. Fedoseeva [Religious Traditions of the Amur Evenks in the Artistic Ethnography of Grigorii Fedoseyev]. *Religiovedenie* 1: 144–164.